

Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога

© 2021

Анастасия Дмитриевна Козеренко^{a, @}Григорий Ефимович Крейдлин^b

^aИнститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; akozerenko@yandex.ru; ^bРоссийский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Аннотация: В работе описывается поведение некоторых русских фразеологизмов, являющихся маркерами отсутствия ожидаемой от адресата ответной реакции на инициальную реплику коммуникативного партнера. Основное внимание уделяется устойчивым выражениям с двойным или одинарным отрицанием, таким как *ни ответа ни привета, ни да ни нет, ни гугу, ни бе ни ме ни кукареку* и др. Исследуется внутренняя форма этих фразеологизмов и их семантика. Показано, что внутренняя форма изучаемых фразеологических оборотов соотносится с определенными семантическими полями. Это семантическое поле РЕЧЬ ЛЮДЕЙ, которое разбивается на ряд более мелких полей (поле РЕЧЬ ДЕТЕЙ, РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ СВОЕЙ (РОДНОЙ) КУЛЬТУРЫ и РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ (ИНОСТРАНЦЕВ)). Кроме того, рассматриваются фразеологизмы, внутренняя форма которых индуцирована «речью» и действиями животных. Исследуются минимальные диалоги со структурой вида: иллокутивно вынуждающий акт → ∅ (иллокутивно вынуждаемый акт в виде молчания). За каждым таким диалогом следует речевой комментарий поведения адресата; при этом рассматриваемые обороты входят в состав комментария. Наиболее частотными инициальными репликами в таких диалогах являются вопросы, просьбы, побуждения к действию. Ожидаемая от адресата реакция на инициальную реплику адресанта отсутствует, и по этой причине адресант высказывает свое недовольство. Наряду с группой фразеологизмов с двойной или одинарной частицей *ни* в работе анализируется группа фразеологизмов со звукоподражательными повторами, таких как *бу-бу-бу, бе-бе-бе, ля-ля-ля*. Если фразеологизмы первой группы выступают в составе комментариев к акту молчания, то фразеологизмы второй группы служат заместителями невятной или бессмысленной речи.

Ключевые слова: диалог, молчание, речевое поведение, русский язык, фразеология

Для цитирования: Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 53–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.53-65

Phraseological units as markers of noncooperative behavior of dialogue participants

Anastasija D. Kozerenko^{a, @}Grigoriy E. Krejdlin^b

^aVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; akozerenko@yandex.ru; ^bRussian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract: The aim of the paper is to investigate the semantics and syntactic behavior of a small group of Russian phraseological units: expressions with double or single negative particles *ni* such as *ni otveta ni priveta, ni da ni net, ni gugu, ni be ni me ni kukareku*, etc. The paper focuses on the analysis

of the internal structure of the phraseological units as well as on their semantics. The correlation of the semantics of these units with some semantic fields is demonstrated. This is the HUMAN SPEECH field, which involves three subfields: CHILDREN SPEECH, SPEECH OF ADULTS OF RUSSIAN (NATIVE) CULTURE and SPEECH OF FOREIGN CULTURE ADULTS. Besides, some units of the group correspond to the ANIMAL "SPEECH" AND ACTIONS field. This group of phraseological units are the markers of an act of silence in a dialogue of the structure "illocutively compelling act $\rightarrow$ $\emptyset$ (silent illocutively compelled act)". Directly after the dialogue, the initiator comments the silent behavior of the addressee, using the phraseological units discussed. The above-mentioned group of phraseological units contrasts with another group of phraseological units with similar function. These are *bu-bu-bu*, *be-be-be*, *lja-lja-lja*. While the expressions of the former group mark the act of silence, phraseological units of this latter group replace unclear or unintelligible speech.

Keywords: dialogue, phraseology, Russian, silence, verbal behaviour

For citation: Kozerenko A. D., Krejdlin G. E. Phraseological units as markers of noncooperative behavior of dialogue participants. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 53–65.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.53-65

Введение. Постановка задачи

Существует большое количество работ, в которых рассматриваются разные аспекты такого семиотического явления, как молчание, причем эти работы охватывают самые разные языки, см., например, [Basso 1970; Tannen 1984; Jaworsky 1993; Арутюнова 1994; 2000; Эстерберг 1996; Норман 2004; Эпштейн 2006]. Однако фразеологическим единицам, отражающим различные аспекты этого явления, уделяется сравнительно мало внимания. Между тем таких единиц в европейских языках, и в частности в русском, очень много, и отражают они молчание по-разному. Одни фразеологизмы молчания, такие как *придерживать язык*, *держат язык за зубами*, *держат рот на замке*, характеризуют молчание, описывая поведение некоторых телесных объектов. Другие фразеологизмы молчания, такие как *помалкивать в тряпочку*, *держат при себе*, отображают молчание с помощью действий, осуществляемых субъектом.

Есть, однако, еще одна группа фразеологизмов, которые не сами обозначают молчание, а указывают на ситуацию молчания или некооперативного речевого поведения. Речь идет о единицах со своеобразной синтаксической ролью в диалоге: они маркируют отсутствие ожидаемой диалогической ответной реплики или невербальной реакции на инициальную диалогическую реплику коммуникативного партнера. Такие фразеологизмы свидетельствуют о нарушении хода диалога, которое состоит в том, что вместо иллокутивно ожидаемой речевой, жестовой или акциональной ответной реплики следует полное отсутствие материально выраженного знака, то есть молчание или бездействие адресата. Нас интересуют ситуации, когда адресант или сторонний наблюдатель комментирует такое некооперативное поведение адресата с помощью фразеологических оборотов¹ типа: *ни да ни нет*, *ни ответа ни привета*, *ни бе ни ме* (вариант *ни бе ни ме ни кукареку*), *ни слуху ни духу*, *ни то ни сё*, *ни туда ни сюда*, *ни гу-гу* (вариант *ни гу-гу*), *ни звука*, *ни слова* и другие. Объединяет все эти обороты наличие отрицательной частицы *ни* или двойной частицы *ни... ни....*

В этой работе мы рассмотрим отдельные проблемы, связанные с указанной группой фразеологизмов молчания. В центре нашего внимания находятся (а) поведение таких фразеологизмов в текстах, описывающих незамкнутые диалоги определенного типа; (б) план содержания таких единиц, который включает в себя в качестве важнейшего компонента

¹ Основная часть анализируемых оборотов была взята авторами из [Тезаурус 2007]. Этот материал был дополнен отдельными единицами, найденными нами в текстах.

образную составляющую, или, иначе, внутреннюю форму²; (в) семантические источники такой образной составляющей и (г) прагматические характеристики рассматриваемых фразеологизмов.

За пределами работы остаются многие характеристики единиц, составляющих рассматриваемые обороты. Это, прежде всего, их грамматические признаки (часть речи, число, изменяемость/неизменяемость по той или иной грамматической категории и др.), а также лексический параллелизм этих составляющих, просодические и, шире, интонационные характеристики слов, входящих в обороты, и самих оборотов.

По ходу изложения основного материала мы обратим внимание также еще на одну группу фразеологизмов, которые, хотя и не являются фразеологизмами молчания, но близки к ним по смыслу и по функции.

1. Структура некооперативных диалогов и некоторые характеристики рассматриваемых нами оборотов в составе комментариев

Начнем с типового примера употребления интересующих нас оборотов:

- (1) ...году в семидесятом написала-таки Любовь Семеновна своей сестре письмо, потом второе, третье — *ни ответа, ни привета* [Кир Булычев. Выстрел купидона (2002)]³.

Этот текст содержит скрытый диалог. Действительно, адресант Любовь Семеновна совершает несколько следующих подряд инициальных действий, направленных на адресата, — она посылает письма своей сестре. В ситуации кооперативного диалога отправление письма предполагает получение ответного письма или какую-то другую реакцию со стороны адресата. Однако в приведенном примере вместо ожидаемой реакции не последовало ничего. Иными словами, пользуясь терминами из работы [Баранов, Крейдлин 1992], можно заключить, что минимальный диалог остался незамкнутым. Между тем из определения минимального диалога (минимальной диалогической единицы) следует, что отношение иллокутивного вынуждения, открываемого инициальной диалогической репликой, в неконфликтной ситуации, то есть в условиях кооперативного диалога, должно быть замкнутым. Структуру приведенного выше текста (1) можно представить в следующем виде: {иллокутивно вынуждающий акт → ∅ (иллокутивно вынуждаемый акт)} — комментарий поведения адресата⁴. Именно в текстах комментария и употребляются интересующие нас фразеологические и иные выражения. Так, в примере (1) комментарий поведения адресата выражен словами *ни ответа ни привета*. Близким по структуре является пример (2).

- (2) Дорогой сыночек, Андрюшенька! Пишем тебе с бабушкой каждую неделю и как камушки в море бросаем — *ни привета, ни ответа*. Почему ты молчишь, почему так редко отвечаешь? [В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)].

Начинается этот диалог с обращения к адресату, после чего описывается ситуация коммуникативной неудачи, которая выражается в том, что адресат не отвечает на повторяющиеся письма адресанта. Отсутствие ожидаемых ответных писем маркируется оборотом

² О понятии внутренней формы идиом см. [Баранов, Добровольский 1998].

³ Примеры употребления фразеологизмов взяты из [НКРЯ] и сети Интернет.

⁴ В этой схеме ∅ — знак молчания.

ни привет и *ни ответа*. Дополнительно такое отсутствие передано глаголом *молчишь*. Заметим, что здесь отсутствие ответного невербального действия передается речевым глаголом *молчать*.

Тексты, включающие некооперативные диалоги, которые мы здесь рассматриваем, входят в один класс с метаинформационными диалогами с ответными *почему*-репликами, которые направлены на модус высказывания, а не на его содержание. О таких диалогах подробно писала Н. Д. Арутюнова [1970]. Кроме того, в тот же класс входят и диалоги с ответными вопросами, позволяющими адресату уклониться от ответа, см. о них в работе [Крейдлин 1994].

Поскольку нас интересуют диалогические структуры, за пределами работы мы оставляем анализ возможных других значений и употреблений рассматриваемых здесь оборотов. Примеры таких значений иллюстрируют тексты (3) и (4).

- (3) Бильярд не настоящий, но и не игрушечный. Шары не костяные, но и не металлические — так, *ни то ни сё*, эрзац, но играть можно [Г. Жженов. Прожитое (2002)].
- (4) На самом деле мама ее терпеть не может — плохой, мол, предметник, плохой воспитатель и вообще *ни то ни сё* [Г. Щербакова. Мальчик и девочка (2001)].

Значения и употребления идиом с двойным отрицанием, представленные в примерах (3) и (4) и им подобных, рассматривались в статье [Баранов, Добровольский 2016]. В ней все такие идиомы были охарактеризованы как языковые средства выражения семантики неопределенности. При этом А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский не рассматривают единицы с двойной или одинарной отрицательной частью в текстах комментариев к диалогам с молчанием, где такие единицы, как мы покажем ниже, выступают в особом значении.

Пример (5) показывает, что приведенная выше каноническая схема рассматриваемых нами некооперативных диалогов может модифицироваться.

- (5) — Да что же он, согласился или нет? — В том-то и дело, что *ни то ни сё*, — сказал Вронский [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].

Непосредственный контекст диалога (5) — это разговор, где некоему лицу, обозначенному здесь местоимением *он* <Снетков>, предлагалось нечто, на что тот должен был ответить знакомым актом, обозначающим согласие или несогласие, иными словами осуществить выбор альтернативы. Собеседник Вронского <Левин> хочет выяснить, чем закончился этот разговор, о чем он и спрашивает Вронского. Вронский комментирует ответное поведение Снеткова, показывая, что выбор конкретной альтернативы не был осуществлен, и для этого использует оборот *ни то ни сё*.

Проведем более подробный семантический анализ этого оборота. *Ни то ни сё* означает ‘неверно, что то, и неверно, что сё’. Поскольку antecedentes местоимений *то* и *сё* являются, соответственно, *согласился* и *не согласился*, ‘неверно, что то, и неверно, что сё’ = ‘неверно, что согласился, и неверно, что не согласился’, то есть ни одна из альтернатив не была выбрана.

В диалогах, структурно подобных диалогу, представленному в примере (5), могут встретиться и другие местоименные фразеологические обороты, такие как *ни туда ни сюда*, *ни так ни эдак*. Их объединяет общая семантика отсутствия определенного выбора из двух альтернативных вариантов.

Замечание. Местоименные фразеологизмы типа *ни то ни сё*, о которых мы говорим, не входят ни в одну из реплик в составе минимальных диалогов. Между тем они образуют синонимический ряд, такой что семантика каждого из членов ряда во многом обусловлена семантическим типом инициальной реплики в составе диалога. Обоснование этого тезиса с соответствующими иллюстрациями может служить темой отдельного исследования.

2. Инициальные акты и реплики в диалогах с рассматриваемыми оборотами в составе комментариев

Инициальные акты в рассматриваемых нами диалогах разнообразны по своему назначению. Это могут быть вопросы, просьбы выполнить некоторое действие, совет и др. Из наиболее употребительных выделим две группы.

В первой группе содержанием инициального акта является **предложение адресату вступить с адресантом в контакт**. Адресат, однако, никак не реагирует, о чем свидетельствуют употребления оборотов *ни слуху ни духу* и *ни привет, ни ответа* в (6).

- (6) Он пишет к Николаю — нет ничего. Через несколько месяцев — еще письмо: *ни привет, ни ответа*. Еще письмо — и опять *ни слуху ни духу*. Думая, что письма его не доходят до царя, с юношеской верою в царское слово, Полежаев решился ехать сам и предстать пред царские очи [Н. А. Добролюбов. «Слухи» (1855)].

Во второй группе иллокутивным содержанием инициального акта является **вопрос, заданный адресату и предполагающий ответ**, ср. (7).

- (7) Витя, что ты всё ходишь? А он *ни гу-гу* [В. Аксенов. Звездный билет (1961)].

Здесь выражение *ни гу-гу* говорит о том, что никакого ответа на вопрос не последовало.

Впрочем, любые **иллокутивно вынуждающие акты, на которые не следует предполагать данным актом вынуждаемых реакций**, по-видимому, могут служить источником комментариев, содержащих рассматриваемые нами обороты. Пример (8) показывает, что от адресата ожидается определенное действие, а именно та или иная ответная реакция.

- (8) — Я вам давно прислал статью, а от вас *ни ответа, ни привет* [В. Баевский. Счастье (2004)].

Пример (8) говорит о том, что отношение иллокутивного вынуждения не выполнено: если общение кооперативно, то адресант вправе ожидать от адресата либо отклика на статью, либо сообщения о том, почему такого отклика не последовало. Таким образом, здесь семиотически значимым является отсутствие соответствующей ответной реакции, которое вызывает комментарий *а от вас ни ответа ни привет*, в данном тексте также принадлежащий адресанту.

Характерным для всех таких комментариев в составе диалога (в данном случае — скрытого) является то, что они указывают на уклонение адресата от ожидаемых слов или действий (ср. понятие и термин *rejection of question* в англоязычной специальной литературе). Этим данный вид уклонения от ответа отличается от упомянутых ранее *почему-реплик* или ответных вопросов.

Замечание. Семантика молчания, иллокутивные функции молчания и коммуникативное назначение этого семиотического акта — все эти темы заслуживают отдельного рассмотрения. Кроме того, молчание, в особенности так называемое красноречивое молчание, часто сопровождается невербальными актами — параязыковыми, кинетическими, визуальными и др. Описание мультимодального⁵ взаимодействия молчания с русскими речевым и невербальными актами — совершенно новая и неисследованная проблема.

⁵ Под мультимодальным взаимодействием в семиотике принято понимать участие и сосуществование в устной коммуникации разных «модальностей», или, иначе, каналов взаимодействия, — речевого, жестового, тактильного, акционального и др. Об этом понятии см., например, в работе [Крейдлин 2014].

3. Знаковый характер иллокутивных актов в составе диалога

Отметим, что и инициальный, и ответный иллокутивные акты в рассматриваемых нами диалогах могут быть трех видов: вербальные, невербальные и смешанные, то есть вербально-невербальные. Приведем пример диалога с вербальной инициальной репликой:

- (9) — Лида! Это я — Лена! Открой! За дверью полная тишина. — Лида открой. Я теперь всё знаю. В ответ *ни звука*. — Ты слышишь меня? Я знаю всё. Я знаю, почему ты не открываешь дверь [А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

В примере (10) адресант, находящийся во внешнем по отношению к адресату пространстве, пытается связаться с ним, используя для этого не речь (вербальный компонент), а некоторые действия. Между тем никакого ответного действия — ни речевого, ни смешанного — не наблюдается:

- (10) Позвонил еще, нет никого, позвонил еще и еще, — не идут. Тогда я стал яростно надавливать кнопку, — *ни привета, ни ответа* [М. В. Нестеров. О пережитом. (1926–1928)].

В примере (11) адресант говорит адресату о своем страдании и ждет от него ответного отклика. Этот отклик мог бы быть реализован в форме вербального высказывания, параречевого или жестового, например, выраженного мимическими средствами (ср. термин «мимика сочувствия», широко используемый в невербальной семиотике):

- (11) Пашка склонился к Насте и сказал: — Я уже вторые сутки страдаю — так? — а вы мне — *ни бэ, ни мэ, ни кукареку* [В. Шукшин. Живет такой парень (1960–1964)].

Ответная реакция, описанная оборотом с двойным отрицанием, по своему характеру может быть акциональной, о чем свидетельствует пример (12). Адресант утверждает, что действие, которое ожидается от адресата, отсутствует, ср.:

- (12) Здесь дежурному говорю: давай скорее туда наряд полиции — он *⟨...⟩ не мычит не телится...* [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный (1972)].

4. Прагматические характеристики рассматриваемых диалогов

Общим прагматическим свойством рассматриваемых в данной работе скрытых диалогов является их отношение к категории вежливости. В ответ на инициальную реплику адресат молчит, и его молчание субъективно оценивается либо адресантом (чаще), либо сторонним наблюдателем как невежливое. В кооперативном диалоге с выраженным отношением иллокутивного вынуждения от адресата ожидается ответная знаковая реакция, а нарушение этого ожидания является неэтикетным. Тем самым **рассматриваемые обороты с двойным или одинарным отрицанием выступают как языковые маркеры невежливости**. Повествователь, комментируя с помощью таких оборотов невежливое отсутствие ожидаемой ответной реакции, подчеркивает неэтикетный характер поведения адресата, ср.:

- (13) Душа у него болит, но он бодрится, пробует даже что-то насвистывать и открывает форточку. Прислушивается к двери в смежную комнату: «Тонь, а Тонь?» В ответ — *ни гугу*, полное, так сказать, игнорирование [В. Белов. Воспитание по доктору Споку (1976)].

Ответные реакции, которые обязательно должны следовать при кооперативном общении, могут отсутствовать по разным причинам. В теории диалога было введено такое важное понятие, как «успешность речевого акта» (об этом понятии и его структуре см., например, работу [Падучева 1982]). Так, вопрос требует ответа, выраженного в речевой или невербальной форме (ср., например, кивок); просьба предполагает ее выполнение или эксплицитно выраженный отказ; высказанное мнение предполагает выраженное в ответ согласие или несогласие с ним и т. п. Если подобных иллокутивно вынуждаемых реакций не последовало, то считается, что имела место коммуникативная неудача, а поведение адресата было невежливым.

Между тем оценка реакции адресата как «невежливая» при определенных условиях может сниматься, и эти условия требуют отдельного изучения и описания. Например, нельзя считать молчание невежливым, если адресат по каким-то причинам не услышал вопроса, не получил писем, чего-то не понял и т. п. В таких ситуациях использование языковых маркеров невежливости либо недопустимо, либо неуместно. Узнав о наличии обстоятельств, которые препятствовали нормальному течению этикетной коммуникации, комментатор может снять оценку поведения адресанта как невежливого, ср. возможное продолжение диалога с ответной репликой в форме молчания: *Зря мы обвиняли его в молчании, он просто не получал наших писем.*

Поведение адресата в некооперативных диалогах часто сопровождается особой эмоциональной реакцией со стороны адресанта или стороннего человека, наблюдающего такое поведение. Эта эмоциональная реакция может быть недовольством, обидой, возмущением, гневом. Она выражается в устном общении соответствующими мимическими или жестовыми реакциями, а в письменном тексте — словами, обозначающими соответствующие эмоции, или разной силы пейоративными номинациями собеседника, ср. слова и выражения *как тебе не стыдно, бессовестный, безобразник ты эдакий, просто возмутительно* и т. п.

5. Внутренняя форма рассматриваемых оборотов как основа их семантической классификации

Остановимся подробнее на внутренней форме обсуждаемых фразеологизмов с одной или двумя отрицательными частицами *ни*, а также на внутренней форме некоторых других фразеологизмов, которые тоже встречаются в рассматриваемых нами текстах. Ниже мы опишем связь внутренней формы всех таких фразеологических оборотов с их семантикой. Компоненты исследуемых единиц соотносятся с определенными семантическими полями. В свою очередь каждое из этих полей задается соответствующими инвариантными смыслами (последние далее обозначаются малыми прописными).

1. Семантическое поле РЕЧЬ ЛЮДЕЙ

В составе некоторых из рассматриваемых нами фразеологизмов есть слова, которые относятся к семантическому полю РЕЧЬ ЛЮДЕЙ. При этом внутренняя форма фразеологизмов может быть связана с разными характеристиками человека, главным образом, человеческой речи, а именно с такими ее признаками, как ‘непонятность’, ‘невнятность’ или ‘нечленораздельность’.

Это семантическое поле разбивается на ряд более мелких полей.

1.1. Поле РЕЧЬ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

В нашем материале представлен один такой оборот, который соотносится с этим полем, а именно *ни гу-гу*. В нем отображаются звуки, производимые маленькими детьми до появления у них речи. Такие звуки характеризуются как содержательно неопределенные

и обычно описываются с помощью глаголов *гузукать*, *гулить*, *агукаль* и слов, производных от них, ср.: *младенец пускал пузыри и радостно гузукал*.

Оборот *ни гу-гу* словообразовательно связан с глаголом *гузукать*. Комментируя отсутствие внятной, и потому содержательной, ответной реплики с помощью оборота *ни гу-гу*, человек хочет сказать, что молчащий адресат не произносит никаких внятных слов, даже минимальных, которые характеризуют начало возникновения детской речи. Отсутствие таких слов и составляет внутреннюю форму обсуждаемого оборота.

1.2. Поле РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ

Характеристики взрослой речи тоже могут служить основой внутренней формы ряда оборотов, комментирующих некооперативное молчание. Для многих из оборотов актуальной является семиотическая оппозиция ‘свой’ — ‘чужой’ (‘своя речь’ — ‘чужая речь’). Действительно, внутренняя форма некоторых из приводимых ниже оборотов соотносится с речью взрослых людей родной, то есть своей культуры, либо чужой, то есть иностранной, культуры.

1.2.1. Поле РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ РОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Источником многих оборотов, которые мы рассматриваем, является нейтральная, то есть никак специально не маркированная взрослая речь. Такие обороты, как *ни да ни нет*, *ни ответа ни привета*, *ни то ни сё* и т. п., являются показателями, с помощью которых комментатор маркирует уклонение адресата от этикетно ожидаемой реплики. Структурным свойством таких оборотов является эксплицитно выраженная полярность: *да и нет* — это два полюса шкалы типичных ответов на общий вопрос; в идиоматический оборот *ни ответа ни привета* (вариант: *ни привета ни ответа*) тоже входят полнозначные слова, сами по себе обозначающие две противоположные реплики — инициальную и ответную (начинающую и заканчивающую минимальный диалог); *то и сё* — это полярные характеристики пространства, далекого и близкого.

В составе оборота *ни то ни сё* компоненты *то* и *сё* являются местоименными заместителями двух возможных противопоставляемых ответных реплик в некооперативном диалоге (например, в диалоге, где от адресата ожидается согласие или несогласие, или в диалоге, предполагающем противоположные реакции на альтернативный вопрос). Здесь принадлежность к семантическому полю, о котором идет речь, устанавливается не в один шаг: сначала определяется антецеденты местоимений, входящих в состав оборота, а затем выявляется смысловое отношение между ними.

Внутренняя форма этих оборотов содержит элементы диалогической речи, которая присуща компетентному носителю русского языка, производящему осмысленные высказывания. Это, прежде всего, речь взрослых людей своей культуры — не детей и не иностранцев. Именно этим определяется отнесение перечисленных выше фразеологических единиц к указанному полю.

Особое место занимают выражения *бу-бу-бу*, *ля-ля-ля*, *бе-бе-бе*, которые в целом ряде отношений подобны фразеологизмам с отрицательными частицами.

Единица *бу-бу-бу* является заместителем невнятной или бессмысленной речи взрослых людей⁶.

В примере (14) в ситуации съемки фильма, когда на площадке много народу, часто произносимые слова не слышны, и выражение *бу-бу-бу* замещает эти слова. Адресат инициальной реплики в диалоге (15) уклоняется от ответа на обращенный к нему вопрос, но он не молчит, а произносит что-то невнятное, неопределенное.

- (14) Со скамейки доносилось невнятное «бу-бу-бу», прерываемое Бортко: «Дайте мне сценарий первой серии!!!» — кричал режиссер. Раздавалось очередное «бу-бу-бу» — Адабашьян и Баилашвили что-то втолковывали измученному Галкину [«Известия» (2004)].

⁶ О заместителях бессмысленной или невнятной речи см. также работу [Ульрих 1992].

- (15) — Ты будешь баллотироваться в районные депутаты? В ответ раздалось невнятное *бу-бу-бу*.

В обоих примерах явно эксплицируется часть семантики единицы *бу-бу-бу*, а именно ‘невянность’. Однако причины невнятности в этих примерах разные: в примере (14) она вызвана плохой слышимостью, а в примере (15) она, скорее всего, вызвана нежеланием отвечать на вопрос.

Выражение *бу-бу-бу* заменяет содержательную речь, и ту же функцию выполняют и рассмотренные нами ранее обороты *ни ответа ни привета*, *ни да ни нет* и т. д. Однако *бу-бу-бу* передает смысл ‘невнятности’, а обороты *ни ответа ни привета*, *ни да ни нет* являются носителями смысла ‘неопределенности’.

Выражения *бу-бу-бу*, *ля-ля-ля*, *бе-бе-бе* могут выступать в функции передразнивания произносимых слов, и в этих случаях их можно назвать выражениями передразнивания. Так, в примере (16) абсолютно понятно, какие слова передразнивает *бе-бе-бе* — это высказывание «папа старенький»:

- (16) — Папа старенький... *Бе-бе-бе!* Кто бы говорил! [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)].

Обе группы рассматриваемых языковых выражений — с усиленным отрицанием и звукоподражанием — объединяет также то, что в устной речи они часто сопровождаются невербальными телесными знаками, жестами. А различает их то, что сопровождающие жесты относятся к разным семантическим классам. Фразеологизмы с усиленным отрицанием в устной речи могут употребляться вместе с жестами недоумения или непонимания, например с мануальным жестом **развести руки с открытыми ладонями в стороны** или с жестом плеч **пожать плечами**, а выражения передразнивания сопровождаются жестами передразнивания, а именно мимическим жестом **скривиться**, или жестом головы **трясти головой**. Про трясение головы, которое часто сопровождает речевой акт передразнивание, Е. А. Гришина [2011: 251] отмечает, что это жестовое движение «имитирует вынужденное движение головы человека в момент говорения и, следовательно <...> имитирует, иконически отображает на телесном уровне фонетический аспект эмфазы».

Помимо общности строения выражений с двойным отрицанием и выражений с повторами *бу-бу-бу*, *ля-ля-ля*, *бе-бе-бе*, их объединяет прагматика. Эти единицы являются маркерами отрицательной оценки, соответственно, молчания и малосодержательной (или невнятной) речи одного из собеседников.

Особого внимания заслуживают фразеологические обороты *ля-ля[-ля]* *тополя*, *ля-ля[-ля]* *три рубля*, *не надо ля-ля*, *разводить ля-ля*, подробно проанализированные А. Н. Барановым в [АСРФ 2015: 445–446]. В описании этих единиц прямо указывается, что они являются «сокращенной заменой бессодержательных и малозначимых разговоров <...> с явным или скрытым противопоставлением этих разговоров чему-то более важному в форме имитации пения или музыки».

Эти обороты могут подчеркивать, что инициальная реплика адресанта является малосодержательной или тематически неуместной. Адресант, вместо того чтобы отреагировать по существу, говорит, по мнению адресата, нечто невразумительное, так сказать *разводит ля-ля*. В примере (17) человек вместо дела ведет разговоры, малозначимые и бессодержательные с точки зрения коммуникативного партнера:

- (17) — ...У нас только фундамент заложен — да стены начали ставить. Здесь еще месяца на три, а то и больше, работы! — Брось шутить, дядя, — говорят они. — Делов-то всего — дом построить! Ты лучше «*ля-ля*» *не разводи*, ты воздвигай скорее! [Г. Горин. Когда горит душа (1974–1984)].

Ср. употребление глагола *петь* в переносном значении, которое близко к значению оборота *ля-ля* в примере (18):

- (18) **Генерал.** Что же, если мятежники придут, вы будете стрелять? **Левшин.** Они не придут, ваше превосходительство... так это они: погорячились, и — прошло. **Генерал.** А если придут? **Левшин.** Обиделись они очень... по случаю закрытия завода... Некоторые детей имеют... **Генерал.** Что ты мне *поешь*! Я спрашиваю — стрелять будешь? [М. Горький. Враги (1906)].

1.2.2. Поле РЕЧЬ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ

Чужая речь, главным образом речь взрослых иностранцев, тоже может быть источником и внутренней формой некоторых оборотов. Примером таких оборотов служат, например, единицы с повторами *тары-бары* (с вариантом *тары-бары-растабары*) и *бла-бла-бла*.

Культурологический комментарий к обороту *тары-бары* во фразеологическом словаре [Телия 2006] соотносит этот оборот с глаголами *тараторить*, *тарабарить* и существительным *тарабарщина*. Отметим, что все эти слова являются своего рода обобщающими словами, основная функция которых быть имитаторами чужой речи на непонятном языке. Основу оборота *тары-бары* составляет звуковой повтор, производный от группы русских просторечных и диалектных глаголов, которые объединены значением ‘болтать, пустословить’ [Мокиенко 1998: 565; Телия 2006: 689–690]. В других языках имеются аналогичные фразеологизмы, ср. англ. *argle-bargle*, *tittle-tattle*, *chit-chat* и др.

От тех же глаголов образуются сочетания *тарабарская грамота*, *тарабарский язык* со значением ‘чужой и тем самым непонятный’. Ср. также слова *варварский*, *барбаризмы* и другие единицы, подражающие чужеродной непонятной речи.

Отметим, что в словаре [СУ] у прилагательного *тарабарский* выделяется отдельное значение ‘бессмысленный и непонятный’, там же приводятся примеры сочетаний *тарабарское выражение*, *тарабарская грамота*.

Менее очевидной является внутренняя форма выражения *бла-бла-бла*, которое, по всей видимости, заимствовано из английского языка. Об этом говорит его переводной эквивалент — *blah-blah-blah*, в котором слово *blah* означает ‘чушь, бред, глупость’. В свою очередь некоторые английские этимологические словари, в частности [Grillo 1989: 174], отмечают возможную связь английского оборота *blah-blah-blah* с греческим словом *barbarbar* со значением ‘unintelligible sounds’ (букв. ‘невразумительные звуки’). Иными словами, в основе выражения *бла-бла-бла* тоже лежит идея чужести.

Известно, что при повторе эмоционально окрашенных единиц с отчетливо выраженной оценкой усиливается оценочный компонент значения. Таким образом, единица *бла-бла-бла* в составе диалога указывает на то, что адресат говорит нечто, не относящееся к делу, причем говорящий оценивает такое речевое поведение адресата отрицательно:

- (19) «...Наше бюро выполнит любые ваши пожелания — от составления дизайн-проекта в зависимости от категории помещения и до...» — *Бла-бла-бла-бла...* все с вами ясно, — пробормотала Катя презрительно и нажала на «иконку» «Наши сотрудники» [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)].

2. Семантическое поле «РЕЧЬ» И ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНЫХ

Еще одним семантическим полем, служащим источником оборотов, в которых комментируется молчание адресата, является поле «РЕЧЬ» И ДЕЙСТВИЯ ЖИВОТНЫХ.

Единицы этого поля лежат в основе оборотов *ни бе ни ме* (с вариантом *ни бе ни ме ни кукаре́ку*), *ни мычит ни телится* и некоторых других. Их общим свойством является связь сразу с несколькими смысловыми компонентами, относящимися к разным сферам человеческой деятельности, — таким как говорение, понимание и физическое действие. В примере (20) оборот *ни бе ни ме* обозначает отрицательно оцениваемое молчание, следующее в ответ на вопрос:

- (20) Поинтересуются ведь: «Откуда гроши, человек хороший». А ты *ни «бе» ни «ме»!!* Антон Петрович какой-то подарил... [А. Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца (1992)].

Внутренняя форма оборота *ни бе ни ме* и его варианта *ни бе ни ме ни кукарёку* содержит элементы, имитирующие в усеченной форме типовые звуки, производимые некоторыми животными. Усечение реальных звуков, производимых бараном и козой, и стандартно обозначаемых в русском языке последовательностями *бе-е-е* и *ме-е-е*, является одним из регулярных способов фразеологизации в русском языке, ср. аналогичный механизм, связывающий эти единицы с производными от них словами *мекать* и *бека́ть*. Важным показателем фразеологизации данного сочетания является сдвиг ударения в одном из компонентов этого сочетания — слове *кукарёку*. Такой способ фразеологизации свободных сочетаний является вполне регулярным, ср., например, перенос ударения как маркер перехода от свободного сочетания *стучать молотком по столу́* к идиоматичному сочетанию *стучать кулаком по́ столу*. К тому же последнее сочетание является стандартной номинацией известного жеста, то есть единицей речевой знаковой системы.

Глаголы, обозначающие действия животных, тоже входят в состав рассматриваемых нами оборотов, например такого, как *ни мычит ни телится*. Глаголы *мычать* и *телиться* в его составе указывают на два вида деятельности. Это произнесение звуков («речь» животных) и осуществление конкретного физического (поведенческого) действия. Ситуативная противоположность речевого и физического действий, приписываемых одному субъекту, составляет основное содержание внутренней формы рассматриваемой единицы, ср. пример (21).

- (21) Мы от него уже месяц хоть какой-то реакции добиваемся, а он *ни мычит ни телится*.

Идея полярности, лежащая в основе большинства рассматриваемых нами оборотов, обыгрывается и в некоторых искусственно построенных сочетаниях. По аналогии с обобщаемыми оборотами в русском языке начала XX в. возникло сочетание *ни бек ни мек* (с графическим вариантом *ни б-к ни м-к*). Оно использовалось для обозначения определенной социальной группы людей, а именно тех людей, которые не принадлежали ни к партии большевиков (*б-к*), ни к партии меньшевиков (*м-к*). Слова *бек* и *мек* как самостоятельные единицы встречаются, например, в текстах М. Горького:

- (22) — И к эсдекам не тянет. *Беки, меки* — не умещается это ни в душе, ни в голове моей. Должно быть — анархист, что ли... [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. (1928)].
- (23) — *Бек* или *мек*? — Я перестал заниматься политикой. Ответ Самгина или равнодушные ответа как будто отрезвили Дронова [там же].

Единицы *бек* и *мек* образовывали составную единицу *бек-мек*, которая обозначала нечленораздельные звуки, ср. использование этой единицы в примере (24) для описания одной особенности сценической речи:

- (24) Вы не услышите здесь со сцены того, что в театре называют «*бек-мек*» — нечленораздельного и «благородного» рокотания, которым многие актеры обволакивают почти каждое слово, чтобы сделать его будто бы высоким, театральным и т. п. [Л. Я. Боровой. Русский театр в Армении. Письмо из Еревана (1939)].

Заключение

В работе были рассмотрены единицы двух видов. Первые являются фразеологическими маркерами невежливого коммуникативного поведения одного из участников диалога. Это поведение состоит в том, что вместо иллокутивно вынуждаемого речевого или неречевого

действия адресат никак не реагирует — молчит или не совершает ожидаемых действий. Адресант (или, реже, сторонний наблюдатель) является комментатором, оценивающим такое поведение отрицательно. Другие выражения описывают невнятную или бессодержательную речь, и такая речь также оценивается отрицательно.

Таким образом, инвариантным для обеих групп рассмотренных нами единиц является отрицательное отношение говорящего к речевым или иным знаковым действиям. В одних случаях негативную оценку получает молчание как знак отсутствия иллокутивно ожидаемых от адресата реплики или действия, а в других случаях негативно оценивается звучащая невнятная или бессодержательная речь адресата.

Основное внимание мы уделили внутренней форме рассматриваемых единиц и ее связи с различными семантическими полями.

За пределами работы осталось детальное обсуждение морфологической и синтаксической структур рассматриваемых речевых единиц, исчерпывающий анализ невербальных знаковых компонентов (жестов, мимики, поз, знаковых телодвижений), которые могут сопровождать эти единицы.

Наконец, особую тему исследования представляет собой анализ ролей и функций молчания в разных типах текстов и отражение молчания во фразеологии, главным образом, во фразеологических соматизмах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АСРФ 2015 — Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. *Академический словарь русской фразеологии*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015.
- Мокиенко 1998 — Мокиенко В. М. (ред.). *Словарь русской фразеологии*. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- СУ — *Толковый словарь русского языка*. Т. 1–4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Тезаурус 2007 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. при участии М. М. Вознесенской и М. М. Коробовой, под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- Телия 2006 — Телия В. Н. *Большой фразеологический словарь русского языка*. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1970 — Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке. *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*, 1970, 3: 44–58. [Arutyunova N. D. Some types of dialogical reactions and why-utterances in Russian. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*, 1970, 3: 44–58.]
- Арутюнова 1994 — Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления. *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. (отв. ред.). М.: Наука, 1994, 106–117. [Arutyunova N. D. Silence: Contexts of usage. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk rechevykh deistvii*. Arutyunova N. D., Ryabtseva N. K. (eds.). Moscow: Nauka, 1994, 106–117.]
- Арутюнова 2000 — Арутюнова Н. Д. Феномен молчания. *Язык о языке*: сб. ст. / Под общ. рук. и ред. Арутюновой Н. Д. М.: Языки русской культуры, 2000, 417–436. [Arutyunova N. D. The phenomenon of silence. *Yazyk o yazyke*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000, 417–436.]
- Баранов, Добровольский 1998 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования. *Известия АН. Сер. лит. и яз.*, 1998, 57(1): 36–44. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Internal structure of idioms and the problem of interpretation. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 1998, 57(1): 36–44.]
- Баранов, Добровольский 2016 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Ни два ни полтора: семантика неопределенности в русской идиоматике. *Русский язык в научном освещении*, 2016, 2: 32–34. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Ni dva ni poltora*: Semantics of indefiniteness in Russian idioms. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, 2: 32–34.]

- Баранов, Крейдлин 1992 — Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. *Вопросы языкознания*, 1992, 2: 84–99. [Baranov A. N., Krejdlin G. E. Illocutive “pressure” in the structure of a dialogue. *Voprosy Jazykoznanija*, 1992, 2: 84–99.]
- Гришина 2011 — Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2011, 10: 243–257. [Grishina E. A. Multimodal clusters in spoken Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2011, 10: 243–257.]
- Крейдлин 1994 — Крейдлин Г. Е. «Ответные» вопросы. *Системный анализ значимых единиц русского языка. Смысловые типы предложений. Ч. 1. Сб. научных трудов*. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994, 88–91. [Krejdlin G. E. Questions in response. *Sistemnyi analiz znachimykh edinit russkogo yazyka. Smyslovye tipy predlozhenii*. Part 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Univ. Press, 1994, 88–91.]
- Крейдлин 2014 — Крейдлин Г. Е. Мультимодальность в сценической деятельности. *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования*. Федорова О. В., Кибрик А. А. (ред.). Москва: Буки Веди, 2014, 8–24. [Krejdlin G. E. Multimodality in stage activities. *Mul'timodal'naya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya*. Fedorova O. V., Kibrik A. A. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2014, 8–24.]
- Норман 2004 — Норман Б. Ю. Молчание как способ коммуникации. *Культурные практики толерантности и речевой коммуникации*. Купина Н. А., Михайлова О. А. (ред.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004, 231–243. [Norman B. Yu. Silence as a means of communication. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti i rechevoi kommunikatsii*. Kupina N. A., Mikhailova O. A. (eds.). Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2004, 231–243.]
- Падучева 1982 — Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Сер. лит. и языка*, 1982, 41(4): 305–313. [Paducheva E. V. Pragmatical aspects of dialogue coherence. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1982, 41(4): 305–313.]
- Ульрих 1992 — Ульрих М. Об имитации речи (*Bread-and-butter, bread-and-butter*). *Вопросы языкознания*, 1992, 6: 66–81. [Ulrich M. On the imitation of speech (*Bread-and-butter, bread-and-butter*). *Voprosy Jazykoznanija*, 1992, 6: 66–81.]
- Эпштейн 2006 — Эпштейн М. Н. Слово и молчание. *Метафизика русской литературы*. М.: Высшая школа, 2006. [Epshtein M. N. *Slovo i molchanie. Metafizika russkoi literatury* [Word and silence. *Metaphysics of Russian literature*]. Moscow: Vysshaya Shkola, 2006.]
- Эстерберг 1996 — Эстерберг Э. Молчание как стратегия поведения. Социальное окружение и ментальность в исландских сагах. *Мировое древо*, 1996, 4: 21–42. [Esterberg E. Silence as a behavior strategy. Social environment and mentality in Icelandic sagas. *Mirovoe drevo*, 1996, 4: 21–42.]
- Basso 1970 — Basso K. “To give up on words”: Silence in Western Apache culture. *Southwestern Journal of Anthropology*, 1970, 26(3): 213–230.
- Grillo 1989 — Grillo R. D. *Dominant languages: Language and hierarchy in Britain and France*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989.
- Jaworsky 1993 — Jaworsky A. *The power of silence. Social and pragmatic perspectives*. London: Sage, 1993.
- Tannen 1984 — Tannen D. Silence: Anything but. *Perspectives on silence*. Tannen D., Saville-Troike M. (eds.). Norwood (NJ): Ablex, 1984, 93–111.